

Сюй Чжицю говорил вроде бы сам с собой, но сидевший рядом старшина внешнего круга тут же отозвался:

– Это личный ученик старейшины, кажется, по фамилии Дуань.

Звали его Дуань Минцзя. Он был личным учеником, которого старейшина взял совсем недавно, происходил из знатного рода мастеров талисманов и формаций, обладал редким природным талантом и прочным фундаментом, благодаря чему считался одним из любимцев наставника.

К тому же он поступил в секту примерно в одно время с господином Даомином, и, поговаривали, они были очень близки.

Между внешним и внутренним кругами лежала пропасть, новости ходили неохотно, но слухи о подобных любимцах небес неизменно передавались из уст в уста, не разделяя учеников на сорта, так что многие во внешнем круге были наслышаны о нем.

Оказалось – личный ученик, неужто оттого и держится столь заносчиво? Сюй Чжицю крутанул зажатую в пальцах собачью траву и замер, так и не вспомнив, где мог его видеть.

Быть может, на свадебном пиру? Тогда там толклись почти все ученики внутреннего круга, и он вполне мог мельком пересечься с ним, просто не запомнил.

Шагнув из массива переноса, Дуань Минцзя на ходу развернул учебный свиток. Окинув толпу быстрым взглядом, он объявил:

– У Пятого старейшины сегодня неотложные дела, поэтому занятие проведу я, Дуань Минцзя.

В его голосе, как и во всей внешности, сквозила природная гордость. Эта гордость происходила из благородного происхождения и выдающегося таланта, она казалась совершенно естественной – ведь юноша не лгал, а потому не вызывал раздражения. Ученики, провожавшие его взглядами, испытывали лишь скрытую зависть.

Между внешним и внутренним кругами существовала огромная разница, но пропасть между рядовыми учениками внутреннего круга и личными учениками была поистине непреодолимой. Иным было не суждено за всю жизнь перешагнуть порог внутреннего круга, в то время как другие в столь юные годы уже становились личными учениками, открывая перед собой

безграничные перспективы.

«А теперь начинается настоящая каторга», – мысленно вздохнув, Сюй Чжицю покорно поднялся на ноги, лениво стряхнул с мантии пыль и перебрался на указанное место.

Сегодня предстояло учиться начертанию формаций. Базовые и теоретические знания, вбиваемые в их головы день за днем в учебных залах, теперь требовалось воплотить на практике; без этого сдать грядущую ежегодную аттестацию было невозможно.

– Сегодня мы изучим формацию защитного щита – базовую формацию среднего уровня. Она представляет собой...

Любые дела, хоть отдаленно связанные с учебой, были для Сюй Чжицю пустым звуком. Стоило ему усесться на землю, как он с тем же успехом мог преспокойно заняться игрой с травинкой.

Старшина же был круглым отличником: даже прищурив один глаз, он внимательнейшим образом следил за демонстрацией Дуань Минцзя, не упуская ни единой детали.

Формация защитного щита была первой среди формаций среднего уровня. Те, кто ступил на путь изучения тайн начертания формаций, ставили во главу угла собственную безопасность, и эта защита как раз служила надежным щитом для заклинателя.

Прежде эту схему они видели лишь в книгах, где каждая линия была заучена до тошноты; многие недолюбливали ее как раз за избитость, простоту и общую скуку.

Однако лишь столкнувшись с ней в реальности, ученики осознали, как на самом деле выглядит то, что в учебниках казалось лишь унылыми черными линиями на белой бумаге.

Мириады крошечных искорок брызнули с кончика кисти, заструились и слились воедино в воздухе, складываясь под мерцающими волнами в четкий узор; когда формация наконец обрела форму, вспыхнула ослепительная вспышка, озарившая всю округу. С последним росчерком пера внезапно поднялся порыв ветра, заставивший полы мантий затрепетать.

Вокруг пронеслись изумленные вздохи. Лицо Дуань Минцзя, освещенное отблесками заклинания, осталось невозмутимым, лишь подол развевался на ветру, да сам он стоял непоколебимо, словно скала. Завершив показ, он опустил кисть, развернулся и велел остальным

приступать к самостоятельной тренировке.

Сюй Чжицю не уберег свою травинку – ее случайно унесло порывом ветра. Недолгий товарищ канул в небытие, но к счастью, взамен выдали бесплатную бумагу и кисть.

Чертить формации из воздуха они пока не умели, приходилось пользоваться подручными средствами, что как раз оставляло простор для творчества.

Движения Дуань Минцзя выглядели завораживающе плавными, но повторить их оказалось совсем не просто. Толпа согнулась над свитками, усердно пытаясь повторить начертание, однако у большинства лишь изредка пробивались жалкие тусклые искры, не приносящие никакого толка.

Скользнув взглядом по рядам, Дуань Минцзя не стал бросаться оценками. Убрав учебный свиток, он уже собирался пройти дальше, как вдруг в уголке его глаза что-то ярко вспыхнуло.

В самом буквальном смысле. На фоне десятков чахлах и безнадёжных искр старшина на задних рядах сумел-таки воспроизвести нужную формацию.

Пусть она и не сияла так ослепительно, как во время демонстрации, но это была самая настоящая, завершенная формация. Вокруг зашептались, а Дуань Минцзя тут же изменил траекторию шага и направился прямо туда.

К тому моменту, как он подошел, не продержавшийся и пары секунд свет уже почти угас. Присев на корточки рядом со старшиной, он опустил взгляд на едва тлеющие остатки узора и с одного взгляда раскусил проблему:

– Понимание неплохое, но духовной силы маловато. Если поднимешь уровень культивации, то...

На полуслове его прервал легкий, едва слышный кашель. Переведя взгляд – скорее по привычке, – молодой господин уже собирался отвернуться, как вдруг его веки дернулись, а заготовленные слова застряли в горле.

Сидевший рядом человек был закутан в просторные одежды цвета лунного белого шелка; черные пряди переплетались со складками ткани, струясь до самой земли. Одной рукой он держал кисть, другую легко опустил на рукав, а когда склонялся над бумагой, его спина выпрямлялась струной молодого бамбука – исполненная непринужденной грации и абсолютной свободы.

В воздухе чудился едва уловимый аромат ранневесенних цветов. Картина из прошлого наложилась на реальность, и Дуань Минцзя замер на месте. Спустя мгновение, подчиняясь какому-то слепому порыву, он протянул руку, будто пытаясь ухватить призрак.

Прежде чем пальцы коснулись чужого плеча, человек с кистью сам повернул голову.

Обнаружилось совершенно незнакомое, заурядное лицо. Сперва незнакомец лениво скользнул взглядом по протянутой руке, затем поднял глаза на самого Дуаня и выдал всего два слова:

– Чего надо?

– ... – Дуань Минцзя редко судил о людях по паре слов, но в этот раз исключение подтвердило правило.

Разум мгновенно вернулся в норму, зрение прояснилось, и теперь он отчетливо разглядел и седые волосы на макушке этого типа, и болезненную худобу, выгодно отличающую его от нормальных людей.

А заодно и разложенные по бумаге художества: кучу безобразных черепах, кроликов и прочей тушеной мазни, каждая из которых отличалась своим неповторимым уродством.

Этот человек только что сидел с таким сосредоточенным, благопристойным видом вовсе не потому, что учился, а исключительно ради создания этих шедевров.

– Да ничего, просто вспомнился один старый знакомый, – Дуань Минцзя покосился на исчерпанный до краев лист и поинтересовался:

– Это... что?

Сюй Чжицю из лучших побуждений пояснил суть своего творения, после чего вернулся к предыдущей реплике:

– Вообще-то я и правда похож на многих.

Точнее говоря, его физиономия обладала поистине народными чертами: стоило затеряться в толпе, как он растворился бы в ней подобно маслу в каше, так что потом и сам бы себя не

сыскал.

Дуань Минцзя спрашивал вовсе не из желания послушать искусствоведческий ликбез. Поняв, что они говорят о совершенно разных вещах, он нахмурился и уже хотел было продолжить, как вдруг память услужливо подсказала ответ. Он снова взгляделся в зауряднейшие черты собеседника, зацепившись взглядом за бесцветные, сухие губы.

Поразмыслив пару секунд, он сопоставил факты и полуутвердительно бросил:

– Сюй Чжицю?

Пусть видется им доводилось редко, он смутно припоминал, что женишок его дорогого друга как раз подвизался во внешнем круге Врат Тысячи Формаций.

Сам он его в глаза не видел, только слышал сплетни: мол, тот безнадежный доходяга, пичкает себя горькими отварами с молодых ногтей, и за спиной судачили, что стоять лекарствам кончиться – и года не протянет.

Стоило прозвучать собственному имени, как Сюй Чжицю, едва разомкнув губы, снова выдал фирменное:

– Чего надо?

И вправду он.

Хроническая болезнь, лень до мозга костей, праздное прозябание – все эти слухи оказались чистейшей правдой. И за что только лучший друг нашел в этом человеке хоть что-то привлекательное? Дуань Минцзя легко поморщился, решив не продолжать пустой разговор, и сухо бросил:

– Забудь.

Старейшина наказывал уделить этим оборванцам из внешнего круга побольше внимания, но добавлял: если кто-то безнадежен – не стоит ломать через колено. Ученики внешнего круга все же обладали хоть какими-то крохами таланта, так что полностью безнадежных среди них не водилось. Теперь же становилось очевидно, к кому именно относилось то предостережение.

- У тебя неплохое понимание сути, но не хватает культивации, чтобы удерживать формацию. Больше медитируй, это пойдет на пользу.

Закончив фразу, которую он так и не смог договорить старшине, Дуань Минцзя резко развернулся и зашагал прочь, но на полпути оглянулся и бросил Сюй Чжицю:

- Тот человек на тебя вовсе не похож. Он был невероятно силен.

Это был ответ на реплику о внешнем сходстве. От него по-прежнему веяло прежней заносчивостью; бросив слова на ветер, юноша решительно зашагал дальше, а висевший на поясе нефрит совершил в воздухе крутой вираж.

Сюй Чжицю тем временем аккуратно поставил финальную точку на панцире своей черепахи, с безмятежным видом отложил кисть и лишь тогда лениво поинтересовался:

- Это он про кого?

- Наверное, про господина Циюня, - старшина, потративший на заклинание добрую половину сил, тоже опустил кисть. - Во всем ордене лишь о господине Циюне старший брат Дуань отзывается с таким пиететом.

Несмотря на разницу в стаже и возрасте, ученики внешнего круга без исключения величали всех адептов внутреннего круга старшими братьями и сестрами, если те не носили особых титулов.

Услышав нечто новенькое и любопытное, Сюй Чжицю лениво приподнял веки и наострил уши, готовый внимать.

- ...Этот товарищ во время объяснения ни единого звука не издал, зато теперь оживился, - мысленно проворчал старшина, но вслух ответил:

- Говорят, старший брат Дуань безумно боготворит господина Циюня. В секту Сюаньшань он пришел исключительно из-за него.

Господин Циюнь тоже числился учеником секты Сюаньшань, когда-то был личным воспитанником самого главы и обладал поистине ослепительным талантом. Едва ступив на первое состязание сект, он прогремел на весь свет, с той поры неизменно удерживая за Сюаньшань пальму первенства среди всех бессмертных орденов.

Помимо редкого дара, он славился безупречным нравом: во время странствий не раз карал несправедливость, прославившись во всех шести континентах, а к ученикам других сект неизменно проявлял снисхождение. Мягкий в общении, честный и прямой, он долгое время оставался кумиром и предметом обожания для бесчисленных адептов, и Дуань Минцзя не был исключением.

Вот только злой рок распорядился иначе: несколько лет назад, во время вторжения варваров Пустоши, он в одиночку встал на пути чужаков и сгинул в той страшной резне. Сюаньшань тогда понесла тяжелейший удар, и лишь с появлением господина Даомина дела понемногу пошли на лад.

Сам старшина попал в секту уже после тех событий, а потому знал о прошлом лишь по обрывкам слухов, и пара скупых фраз исчерпывала все его познания.

Первую половину рассказа Сюй Чжицю прослушал в глубоком молчании, а ко второй уже призадумался, не раздобыть ли где горсточку жареных семечек погрызть. Увы, в карманах ничего не нашлось, и ему осталось лишь процедить сквозь зубы:

- Какая жуть.

<http://bllate.org/book/18820/1865177>